

К ИСТОРИИ НАУКИ

УДК 092:562:549 (470)

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ВИШНЯКОВ - НАТУРАЛИСТ И КОЛЛЕКЦИОНЕР

И. А. Стародубцева

*И предал я сердце мое
тому, чтоб исследовать и испытывать
мудростию все, что делается под небом;
это тяжелое занятие дал Бог
сынам человеческим,
чтобы они упражнялись в нем
Книга Екклесиаста, глава 1, ст. 13*

Фамилия "Вишняков" знакома палеонтологам, и прежде всего исследователям юрских аммонитов. Однако личность Н.П. Вишнякова, человека незаурядного, до последнего времени была известна немногим.

В Ежегоднике по геологии и минералогии России, изданном в 1896 г., в общем списке отечественных исследователей и специалистов значится Вишняков Николай Петрович, палеонтолог, проживающий в Москве, в Гагаринском переулке, в собственном доме [3, с. 21]. В свое время это был известный коллекционер, обладавший представительными палеонтологическими и минералогическими коллекциями. Николай Петрович опубликовал ряд научных работ, посвященных юрским аммонитам России. Кроме того, он был потомственным почетным гражданином г. Москвы, одним из самых влиятельных гласных Московской городской думы, почетным мировым судьей, членом Совета Третьяковской галереи, являлся членом партии "Союз 17 октября"; его фотографии публиковались в московских газетах начала века. П.А. Бурыйкин, автор книги "Москва купеческая", знавший Н.П. Вишнякова лично, отмечает, что он был очень образованным человеком [2, с. 160]. Н.И. Астров, характеризуя состав Городской думы начала века, пишет: "Отец, сын и дядя Вишняковы. Из них Александр Семенович Вишняков один из основателей Московского коммерческого института, и старик Николай Петрович, уже в преклонных годах ставший недурным художником и музыкантом" [1, с. 260].

Л.Ф. Писарькова, работавшая с личным архивом Вишнякова, в книге "Московская городская дума, 1863—1917" характеризует его как "человека бесспорно умного, наблюдательного, не лишенного литературного дара, но вместе с тем резкого, желчно-го...". [8, с.319]. Таковы мнения об этом человеке разных людей из разных эпох.

Николай Петрович Вишняков происходил из старинной купеческой семьи, об истории которой им была написана книга "Сведения о купеческом

роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым", три ее тома соответственно были изданы в 1903, 1905, 1911 гг. на средства автора тиражом в 100 экземпляров, не предназначенных для продажи.

Дед Н.П. Вишнякова — Михаил Иванович Вешняков (~ 1733—1823) происходил из купцов г. Кашина Тверской губернии. Род был одним из старейших в Кашине и в XVII в. занимал видное положение в среде посадских людей. Коренное ремесло предков — кузнечное, но были среди них и оружейники и серебрянники. Михаил Иванович Вешняков переехал в Москву в 1762 г., выписавшись из кашинского в московское купечество. Женился на москвичке — Авдотье Павловне Черняевой (ум. в 1825 г.). В семье было шестеро детей, пятым ребенком был Петр (1781—1847) — отец Н.П. Вишнякова. Торговые дела Михаила Ивановича не были блестящими и скорее всего поэтому с девятилетнего возраста Петр был отдан в семью богатого фабриканта Семена Алексеевича Алексеева, замужем за которым была его старшая сестра Вера Михайловна.

Двадцать шесть лет пробыл Петр Михайлович на службе у Алексеевых, приучаясь к торговому делу, занимался несколько лет в торговой лавке, затем сделался приказчиком, а потом и главным доверенным. В 1814 г. он приобретает у Алексеевых пострадавшие при пожаре 1812 г. дома на Малой Якиманке и, не ломая стен, приводит их в надлежащий порядок. В 1816 г. оставляет службу у Алексеевых и заводит собственное золото-прядельное дело. В этом же году женится на Софье Ивановне Чероковой. От этого брака было четверо детей — Надежда (р. 1817), Иван (р. 1820), Семен (р. 1821) и Людмила (р. 1822). В 1824 г. Софья Ивановна умирает и в этом же году Петр Михайлович женится вторично на Анне Сергеевне Болдыревой. Ей шел тогда семнадцатый год, и брак с 44-летним вдовцом не был воспринят ею с восторгом. Но всю свою семейную жизнь они прожили в любви и согласии. Удивительно нежные письма писали друг другу, когда Петр Михайлович уезжал на Нижегородскую ярмарку. ^аЯ совсем не

умею на тебя сердиться, а умею только любить тебя всею силою своей души. ... и ты только, мой бесценный, у меня бываешь в уме и сердце", — из писем Анны Сергеевны мужу. "Тебя забуду, когда засну смертным сном" — из писем Петра Михайловича жене.

С 1833 г. Петр Михайлович начинает писать фамилию через "и" — Вишняков, а не Вешняков, как его отец.

У Петра Михайловича и Анны Сергеевны было четверо сыновей — Сергей (1830), Владимир (1832), Михаил (1835) и Николай (1844). "1844 года, ноября 7-го дня, поутру в самые полдни в 12 часов, родился у нас сын Николай. День был вторник, ясная погода. Именины его 6-го декабря", — записала в свою записную книжку Анна Сергеевна [10, с. 10]. Крестили его 10 ноября. Восприемниками были почетный гражданин и кавалер московской 1-й гильдии купец Владимир Семенович Алексеев и почетная гражданка московской 1-й гильдии купчиха Вера Михайловна Алексеева.

Жизнь в доме шла однообразно из года в год по раз заведенному порядку. В праздничные и воскресные дни все должны были ходить в церковь в свой приход — свв. Иоакима и Анны. Петр Михайлович, будучи ревностным прихожанином, жертвовал немалые деньги на храм. В 1833 г. на его средства храм был расписан заново. Все посты строго соблюдались. Накануне празднования Святых, по каким-либо причинам почитавшимся в семействе, приглашалось приходское духовенство для служения всенощной. Жизнь вели замкнутую — у себя принимали только родных и в гости ездили только к родственникам.

Об отце Николай Петрович пишет, что всю жизнь он проработал не покладая рук. Работа была его второй натурой. Отца он практически не помнил, а вот с матерью жил долго, она на сорок лет пережила отца, и вспоминает ее Вишняков с большой любовью и нежностью. Николай Петрович пишет, что мать внесла в дом отца любовь к литературе и музыке. Музыкальное образование, полученное ею, было редким явлением в небогатой купеческой семье того времени.

Как у отца, так у матери основы мировоззрения и морали покоились на религиозных началах. Николай Петрович пишет: "... в нашей среде религиозность почти всегда отождествлялась с церковностью: одну от другой не отличали. Религиозным считался только тот, кто был богомолен, ходил часто в церковь; ... Представители такого направления обыкновенно не сочувствовали идее образования и, конечно, матери моей должно быть с моей стороны вменено в большую заслугу, что она стала выше предрассудка, сумела различить сферу религии от сферы просветительской" [11, с. 19]. Он отмечает, что хорошее образование получил благодаря матери.

Другом детства называет Николай Петрович свою няню Раиду Николаевну. Первыми познания-

ми в русской грамоте и письменности был обязан ей. Она охотно передавала жития святых, выучила его молитвам и псалмам. По праздникам в дом к Вишняковым ходило несколько бедных старух поздравлять мать. С особой теплотой Николай Петрович вспоминает Фленушку, которая была для него самой желанной, самой долгожданной гостьей потому, что умела рассказывать сказки. Он слушал про Бову-Королевича, ЕруЪлана Лазаревича, Ивана-дурячка затаив дыхание. Выучившись грамоте, стал читать все без разбора: "Битва русских с кабардинцами", рыцарские романы "Родриг" и "Гуак или непреборимая верность", "Ревизор", "Мертвые души", "Горе от ума", "Гамлет", "Король Лир". Он вспоминал, что больше всего понравился Лир. "Вообще, что бы я ни читал, я очень живо входил в положение действующих лиц, жил их радостями и скорбями, страдал, любил и ненавидел с ними вместе. Особенным негодованием проникался я по отношению к изменникам и предателям: для меня не было типа более отвратительного, чем Яго", — вспоминал он позднее. Затем под влиянием Раиды Николаевны стал зачитываться Четьями-Минейми, особенно житиями подвижников и мучеников, но вскоре однообразие житий ему прискучило, хотя пользу они ему принесли несомненную — он выучил церковнославянский язык.

Очень рано стал ходить к Николаю Петровичу Карл Иванович Штетке — старый учитель его братьев. Карл Иванович нянчил его на коленях, распевал немецкие песенки, которые тот очень скоро выучил наизусть. Затем они перешли к элементарным урокам со слуха. Когда ученик Карла Ивановича запомнил несколько десятков слов, они приступили к диалогам, затем к письменным и устным переводам из хрестоматий и заучиванию стихотворений Рюккерта, Кернера, Бюргера, Шиллера. Позднее Николай Петрович напишет: "И я убежден, что этим песням и этим наивным урокам я обязан знанием немецкого языка по крайней мере столько же, сколько многим последующим более "систематичным", более "педагогичным" занятиям у позднейших моих учителей" [11, с. 119]. Своему учителю он посвятил целую главу в "Сведениях", где отметил, что Карл Иванович является одной из самых светлых и благородных личностей. Читая воспоминания Н.П. Вишнякова о Карле Ивановиче, проникаешься невольной симпатией не только к старому учителю, но и к его ученику, написавшему такие светлые строки. Карл Иванович научил его не только немецкому языку, он научил его гораздо большему — человеколюбию. Позднее к Николаю Петровичу был приставлен гувернер-француз Рау, который поступил в дом к Вишняковым в декабре 1854 г. и оставил его в конце октября 1855 г.

6 марта 1856 г. Николай Петрович был принят без экзаменов в III класс немецкого пансиона доктора философии Кенигсбергского университета

Циммермана. Из-за неравномерности подготовки (очень хорошо — немецкий и французский языки, особенно плохо — по математике) по собственной инициативе остался на второй год в III классе. Об этом времени он вспоминал: "Читаю в свободное время историю Беккера и очень люблю ее, особенно историю средних веков". "Нахожу, что во мне развит поэтический дух и пламенное воображение..." (ЦИАМ, ф. 1334, оп. 1, д. 6, л. 72). В это же время читает "Юрия Милославского" и "Аскольдову могилу", последний роман нравился особенно, и он перечитывал его раза три. Под их влиянием начал историческую повесть "Пан Вишневецкий", которую бросил с 20-й строки. В V классе познакомился с произведениями Вальтера Скотта, "сильнее всего на меня произвел впечатление первый прочитанный его роман "Айвенго" (там же). Летом 1861 г. бредил астрономией и все свободное время посвящал чтению Хотинского и Араго, а ночью наблюдал звезды. В пансионе пристрастился к минералогии и занимался ею с большим рвением. Преподавал там минералогию пастор Ферман, человек умный и серьезный. О его уроках Николай Петрович впоследствии вспоминал: "Познакомивши нас на моделях с главными началами кристаллографии, Ферман не напирал педантически ни на кристаллографические детали, ни на химический состав, потому что принимал в соображение наше общее развитие; зато он требовал, чтобы мы научились распознавать как следует сотню-другую образцов, составлявших школьную коллекцию" (ЦИАМ, ф. 1334, оп. 1, д. 34, л. 11). Вишняков одобряет такой подход к преподаванию естественных наук, отмечая, что "сначала наглядно знакомиться с природой, потом уже разбираться в ее явлениях — вечный и единственно здравый принцип естествознания". За рвение, проявленное Вишняковым к минералогии, Ферман назначает его хранителем маленькой школьной коллекции.

В 1862 г. Вишняков был принят в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета.

О годах, проведенных в университете (1862—1866), вспоминает без восторга. Он напишет позднее: "Мы явились в университет горячими, увлекающимися... Мы шли к науке навстречу с любовью: ей стоило только, в лице ее представителей, протянуть нам руку, чтобы сделать своими верными слугами" (ЦИАМ, ф. 1334, оп. 1, д. 34, л. 2) С горечью он отмечает, что "в пансионе нас и учили и заботились о том, чтобы мы учились, в университете нас не умеют учить и не заботятся о том, чтобы мы учились" (там же, л. 6). Н.П. пишет, что первая причина этого в том, что лекции на первом курсе по основным дисциплинам — физике и зоологии — читались одновременно сразу двум первым курсам физико-математического факультета и первому курсу медицинского, что доводило число слушателей

до 200. Физику читал профессор Н.А. Любимов — сбивчиво, часто ошибаясь и повторяя "... дома разберетесь". Небрежность проявлялась не только в лекциях, но и в опытах, большинство из которых не получались. То же самое и на лекциях А.П. Богданова — записывать за ним не было никакой возможности, так как половина того, что он говорил, не долетала до ушей, при этом надо было успевать копировать бесчисленные схематические рисунки, которые он быстро набрасывал на доску и столь же быстро стирал. Характеризуя преподавательский состав университета того времени, Н.П. пишет, что был ряд бездарностей и инвалидов, дотягивающих до пенсии, потерявших всякую любовь к науке. Систематику растений читал "наивно, скучно и безжизненно" престарелый А. Г. Фишер фон Вальдгейм. Н.П. он очень удивил на экзамене, когда не давши ему раскрыть рта, сам ответил — "и ответил весьма не дурно" — на весь билет и поставил пятерку. Наряду с такими преподавателями находились и знающие, но лишенные "дара передачи, наводившие сон на слушателей мертвящей монотонностью ихтожения". Таковы были Н.Н. Кауфман и лаборант А.К. Феррейн. Вишняков не был удовлетворен и лекциями Г.Е. Щуровского, которому было в то время уже более 60 лет. Н.П. отмечает, что это был способный человек. "Он был бы и хорошим лектором, если бы менее погружался в перечисление ярусов и латинских кличек ископаемых.... Лекции его были лишь сухим скелетом геологической науки. Понятие о формациях излагалось им так, как будто земная кора представляла собой не что иное, как шкаф со множеством ящичков с разнородными ископаемыми, которых перечни надо было долбить наизусть, не имея однако о самих ископаемых никакого представления. Он выбрал все формальное, скучное, и под флагом якобы систематического курса заставил нас напрягать память на зубрение имен и названий, не имевших в сущности для нас смысла, а не заботился несколько о развитии в нас геологического понимания" (ЦИАМ, ф. 1334, оп. 1, д. 34, л. 10). Вишняков так определяет задачи преподавателя: "... стремиться по необходимости в сжатый курс вложить "душу живую", интерес общий, тот "букет" науки, который потом забыться не может" (там же, л. 9—10). По мнению Вишнякова, Щуровский этого не достиг. Минералогию читал вначале известный ученый И.Б. Ауэрбах, хранитель Минералогического кабинета. Но вскоре его заменил М.А. Толстопятков, лекций которого Вишняков не любил и прекратил их посещать, хотя по окончании пансиона Циммермана он пришел в университет с сознанием, что "минералогия очень любопытная и интересная наука". К экзамену готовился по старым пансионским запискам и по учебнику Гофмана.

Вишняков отмечает преподавателей, которые "могли бы с честью занимать свое место в любом европейском университете". К ним он относил

Н.Э. Ляковского, который читал химию, Ф.А. Бредихина (астрономия), С.А. Рачинского (физиология растений), Я.А. Борзенкова (сравнительная анатомия), В.Я. Цингера (теоретическая механика).

По окончании университета, подводя итоги своего обучения, Вишняков понял, что познания его в геологии не шли дальше самых общих представлений, к тому же смутных и не всегда точных. Он вышел из университета с убеждением, что геология ничего занимательного из себя не представляет. Впоследствии он напишет, что "надо было мне стать лицом к лицу с природой, чтобы понять, какую грандиозную картину таят в себе и эти формации, и эти окаменелости с латинскими, когда-то непонятными именами, а также чтобы убедиться, что у природы нет ничего общего с ящиками, в которые ее стремятся втиснуть систематика" (там же, л. 10).

Закончив университет в 1866 г., Николай Петрович той же осенью уезжает за границу и в течение нескольких лет живет жизнью туриста, путешествуя по Франции, Испании, Германии, Англии. В это время сохраняет интерес к естественным наукам, "...но бродячая жизнь не давала... возможность заняться какой-либо отраслью...". (ЦИАМ, ф. 1334, оп. 1, д. 35, л. 26). Как отмечает сам Николай Петрович, "переворот в этом настроении произошел в 1872 г. Судьба занесла меня на морские купанья, в маленький провинциальный городок Нормандии. В тиши скромной старинной гостиницы я познакомился с двумя французами и страстными коллекционерами. Они поведали мне, что неподалеку, в приморских кручах, выступают великолепные отложения юрской формации с богатейшим содержанием окаменелостей и в ответ на мое замечание, что меня, как естественника по образованию, это очень интересует, пригласили сопутствовать им на экскурсиях. Отправившись с ними, я был действительно поражен и богатством, и разнообразием ископаемой фауны. Вскоре, с великодушного одобрения моих случайных учителей, я принялся собирать уже для себя" (там же). Пешком обошел значительную часть Нормандии, замечая, что "почти вся Нормандия представляет любопытнейшее поле для наблюдения геолога. Пешком, с котомкой за плечами, я обошел разные ее уголки, везде осматривая каменоломни с выступами юрских и меловых пород, где разыскивая сами окаменелости, где покупая их у рабочих и местных мелких сборщиков" (там же, л. 27). Зимой продолжил свою деятельность в окрестностях Тулона, Марселя, Ниццы. Коллекционирование заставило заглянуть в геологическую литературу, "особенно касательно местностей и формаций, с которыми успел познакомиться практически". В это же время посетил парижские музеи и познакомился с частными коллекциями. В 1873 году возвратился в Москву, имея довольно большую коллекцию, которую собирался впоследствии передать в Университет.

Сознавая недостаточность своей научной подготовки, очень рассчитывал получить помощь со стороны своих прежних наставников и поэтому намеревался обратиться за советом и консультациями к Г.Е. Щуровскому, к которому также советовал ему обратиться Г. А. Траутшольд, с которым Н.П. Вишняков состоял в приятельских отношениях. Узнав, что Николай Петрович занимается геологией, Траутшольд пригласил его к себе, предложив пользоваться его коллекциями и библиотекой.

Осенью 1873 г. Н.П. пришел к Г.Е. Щуровскому, который жил на Моховой, на казенной квартире, в верхнем этаже двухэтажного корпуса. Вишняков впоследствии вспоминал, что, несмотря на свои 75 лет, Щуровский "был по-прежнему подвижен, и его прищуренные карие глаза по-прежнему глядели зорко и пронизательно на собеседника из-за толстых черепаховых очков". Щуровский хорошо помнил Вишнякова, принял его радушно и внимательно выслушал. Вишняков попросил у него разрешения посещать лекции, которые тот читал 4-му курсу и сразу же получил разрешение. "Когда же я заикнулся о возможности ознакомления с университетскими коллекциями, он не дал прямого ответа, а только протянув мне с большой сердечностью руку, проговорил: Очень рад, очень рад" (ЦИАМ, ф. 1334, оп. 1, д. 34, л.3). Щуровский сообщил также, что хранителем кабинета состоит Константин Осипович Милашевич, бывший товарищ Вишнякова по курсу и по выпуску. Перспектива сойтись с Милашевичем поближе обрадовала Николая Петровича. К.О. Милашевич готовился к поездке в Италию, в музей он уже ничем не занимался и это "давало ему большой досуг". Милашевич помогал ему в занятиях, они вместе рылись в книгах и атласах, "усердно сличая, вглядываясь и споря". От него он узнал о микроскопическом анализе горных пород и отшлифовал в кабинете первый препарат в своей жизни, "какими первобытными приемами, лучше не спрашивать". Между ними установились хорошие приятельские отношения. Тогда же Вишняков стал заниматься "подмосковными формациями" и как-то попросил Милошевича сличить свои образцы с университетскими. Исполняя его желание, Константин Осипович заметил: "Предупреждаю вас, что все определения здесь ненадежны, да и ярлыки перепутаны" (ЦИАМ, ф. 1334, оп. 1, д. 34, л.71).

Отношения Щуровского и Вишнякова не складывались, научным занятиям Николая Петровича он не содействовал и чаще всего отсылал его к Милашевичу. Посетив лекции Щуровского, Вишняков отмечает, что новый курс геологии был удовлетворительнее старого. Щуровский расширил палеонтологическую часть и перед каждой формацией давал некоторое понятие о ее фауне и флоре. У него проглядывало кое-где знакомство и с новейшими исследованиями. "По-прежнему он отличался пунктуальностью, не манкировал и исправно готовился к

лекциям, хотя силы начали ему изменять, он иногда забывал о чем говорил".

Вишняков через 25 лет так опишет геологический кабинет университета: "Геологический и минералогический кабинеты помещались в здании Старого Университета рядом с актовой залой; минералогический — занимал две большие комнаты, выходявшие окнами на Моховую, геологический — другие две, обращенные окнами на внутренний двор" (там же, л. 68). "Десять часов утра. Как только откроешь дверь в темную прихожую, в лицо пахнет затхлым воздухом помещения, никогда не ведающего вентиляции. Двое старых солдат-сторожей, с геморридално-желтыми лицами, небритые, настоящие выходцы с того света, срываются откуда-то из мрака и с бестолковой торопливостью устремляются снимать с меня шубу. Не мудрено им и оступеть, сидя все время в темноте без дела, и они рады-радешеньки появлению кого бы то ни было, как развлечению. Публикой кабинет почти никогда не посещался. Изредка забредет какой-нибудь неосторожный путник, кинет смущенный взгляд на ряды шкафов и витрин, испугается своего дерзновения и быстро исчезнет. Можно было думать, что в огромном городе с миллионным населением вовсе не было любителей геологии и минералогии. Тускло смотрит в большие окна унылый зимний день. Никого еще нет. В ожидании прихода Милашевича пробую штурдировать выставленные окаменелости. Зала уставлена безобразными, допотопными витринами: это горизонтальные, совершенно плоские и широкие ящики, утвержденные на четырех ножках; все нижнее пространство пропадает даром. Устройство витрин таково, что ни во что нельзя хорошенько взглянуть: при их большой ширине и глубине нет возможности рассмотреть то, что лежит подале, к тому же от стекла сильно отвечивает" (там же, л. 71—72). После отъезда в январе 1874 г. Милашевича за границу Вишняков продолжал посещать кабинет, как сам заметил — "для чего неизвестно". Место хранителя занял Левашов, недавно покинувший студенческую скамью. Он редко появлялся в кабинете и очень скоро поменял научную работу на службу в Министерстве внутренних дел. Как-то Левашов передал Вишнякову просьбу Щуровского привести в порядок коллекцию Леонгарда и Бронна. Коллекция насчитывала около 1200 экземпляров и занимала несколько шкафов. Щуровский считал, что Вишнякову будет полезно ознакомиться с этой коллекцией, которую называл превосходной. Щуровский пользовался ею для демонстрации на лекциях, постепенно "нарушил ее регулярный строй и кое-что разбросал по другим витринам". Надо было пересмотреть номера, сличить их с "ярлыками" и отметить недостающие. Работа не сложная, но "я всегда держался того мнения, что пренебрегать никакой работой не следует". Вишняков взялся за разборку коллекции. Так он стал сверхштатным

ассистентом. Коллекция не произвела на него должного впечатления. "Даже лучшие ее образцы были весьма посредственного достоинства, да и составлена она была по устарелому "геогностическому" методу, крайне неудобному, причем в одну группу заносились совершенно разнородные вещи: и кусок глины, и ископаемое березовое дерево, и кость пещерного медведя, и какая-нибудь ракушка. Лично мне тут учиться было нечему" (там же, л.1, 2). Как только он закончил разборку этой коллекции, Щуровский предложил ему пересмотреть коллекцию Кранца. Здесь Вишнякова ждало еще более сильное разочарование — "коллекция Кранца представляла из себя чистейший хлам, неизвестно по какому праву заполнявшему 2—3 шкафа. Тут была масса вещей, про которых даже трудно было сказать, относятся они к животному или растительному миру". Вишняков удивлялся, как Щуровский, известный своей расчетливостью, мог платить деньги за такой материал. Когда он спросил об этом Щуровского, тот ответил: "Видите ли, коллекция эта не куплена, а получена в обмен на высланные Кранцу русские минералы, и, конечно, немцы бессовестно нас обманули. Мы также пострадали при обмене с Веной. Эти нам наслали всякой своей дряни, третичных раковин" (ЦИАМ, ф. 1334, оп. 1, д. 34, л. 73).

Летом 1874 г. Вишняков совершил большую поездку по Оке и Волге, посетив Старую Рязань, Елатьму, Дмитриевые Горы, Панфилово, Карачарово, Симбирск, Сызрань, Сенгилей, Батраки, Кашпур. В своих записных книжках отмечает: "Деревня Коношово прихода села Дмитриевые Горы, находится в овраге... клыки мамонта. Священник села Дмитриевые Горы их видел. Крестьянин Ефим Бочкарев их собирал" (ЦИАМ, ф. 1334, оп. 1, д. 48, л. 11об). О Елатьме: "К моей величайшей радости, я тут-то в оврагах вправо от Елатьмы... нашел ту настоящую Мурчисоновскую юрскую формацию... Бездна ископаемых, не успеваем собирать... Мы с Анютой (женой) собирали ископаемых и все-таки не выбрали всего, что попадает. Бездна Gryphaea, Ammonites, Bel. покрывают берег и все в великолепных экземплярах, особенно аммониты... То, что мы собрали под Елатьмой, далеко превосходит все то, что я видел в Университетском музее и у Траутшольда" (там же, л. 18 и 18об.). Осенью того же года Вишняков задумал большую работу по московским аммонитам и поэтому интенсивно собирал материал как в Москве, так и в ее окрестностях. "В Мячкове и Мневниках у меня завелись между мужиками помышленнее приятели, которым я объяснил, что мне было нужно, а потому, собирая ревностно и сам, я получал много вещей и через покупку у моих агентов" (ЦИАМ, ф. 1334, оп.1, д.34, л.30). Система сборщиков была принята в то время и в записных книжках Н.П. приводятся фамилии сборщиков в

Гжели, Меткомелино, Трошкове, Речицах, Мячкове, Мневниках.

Занявшись "подмосковными формациями", Вишняков долго искал точные геологические разрезы Хорошева и Мневников. Наконец обратился за помощью к Щуровскому и услышал в ответ, что "нам все эти разрезы так хорошо знакомы, что не было никакой надобности их печатать" (там же, л. 10). Вишняков удивляется — "маститый профессор очевидно запомнил, что разрезы печатаются не только для местных специалистов, но и для всех лиц, которые желают иметь точное представление о геологической структуре местности, а живут очень далеко от нее. Разрезы составляют не прихоть или роскошь, а необходимую составную часть геологической литературы" (там же). Вишняков был очень невысокого мнения о Щуровском как ученом и педагоге. С большой теплотой он вспоминает Германа Адольфовича Траутшольда, с которым они дружили 30 лет, дружба эта закончилась только со смертью Траутшольда. В 1874 г. Г.А. Траутшольд занимал кафедру геологии при Петровской земледельческой академии. У него было небольшое собрание окаменелостей иностранных и очень хорошее, точно определенное собрание окаменелостей русских, которое главным образом и привлекало Н.П. Вишнякова. "В нем я находил проверку моих собственных определений, в связи с умными указаниями Траутшольда, опиравшимися на его библиотеку. Никогда мне не забыть тех счастливых часов, которые я проводил в обществе этого умного, глубоко образованного и симпатичного человека..." (там же, л. 4—5). Вишняков писал, что Траутшольд был единственный, кто откликнулся на его "научное одиночество".

Осенью 1874 г. Вишняков возвращается на работу в Геологический кабинет. Щуровский поручает ему новую работу — составление каталога окаменелостей, недавно купленных лично Щуровским за границей. Мнения по поводу этого приобретения у них разошлись — Щуровский считал его удачным, а для Вишнякова она представляла мало интереса — Щуровский покупал то, что подешевле, "но и зато худшей сохранности". С обидой Вишняков пишет, что в то время, когда он занимался разборкой иностранной коллекции, "наше отечественное собрание лежало в беспорядке, разбросанное по витринам и без точных определений. На это Щуровский внимания не обращал. Должно быть он считал меня недостаточно "опытным" (это было его любимое словечко), чтобы поручить мне научную разборку этого материала". Тогда же Вишняков решает закончить свои занятия в Кабинете и ехать учиться за границу. Перед поездкой за границу 28 ноября 1874 г. на заседании Московского Императорского общества испытателей природы он представляет свою заметку о юрских слоях Сызрани [12, с. 6], и в

этом же году в Бюллетене Общества была опубликована его первая научная работа [14].

Траутшольд советует ему Венский университет и снабжает его рекомендательными письмами к Председателю Института Гауэру, к профессору Зюссу и к известному венскому ученому, профессору Тохштеттеру. В Вену Вишняков приехал в ноябре 1874 г. и пробыл там до апреля 1875 г. Время, проведенное им в Вене, считал одним из наиболее счастливых в своей жизни. Там он слушал лекции профессора Эдуарда Зюсса, который читал общую геологию, а затем геологию Богемии. Вишняков отмечает, что это был гениальный лектор и "чтобы он не читал, за ним было легко и приятно записывать" (там же, л. 29). Там же он посещал лекции Неймайра, который читал палеонтологию "...весьма подробно с целым арсеналом демонстративного материала, держась на уровне новейших исследований. Он обладал большой эрудицией и давал полную и обстоятельную картину современного состояния своей науки, которую сам очень любил, усердно ею занимаясь" (там же, л.30). Чермак читал очень сжато курс петрографии, с которым до этого Вишняков не был знаком. Хранитель Императорского музея Бшезин познакомил его с приемами микроскопического исследования "тонких пластинок" в поляризационном свете, и у него же Н.П. занимался петрографией. У техника Императорского музея Браттина брал уроки изготовления прозрачных "петрографических пластинок". В Политехническом институте слушал интереснейшую лекцию Гохштеттера о вулканических явлениях и лекцию профессора Мойсисовича о триасовой формации в Австрии. Посещал "минералогический семинарий", который вел профессор Чермак, повторял кристаллографию, занимался определением углов по натуральным образцам минералов и в первый раз в жизни практически познакомился с приемами спектрального анализа. По желанию Зюсса прочел на одном из геологических вечеров лекцию о поднятии берегов Белого моря на основании исследования проф. Иностранцева. Вишняков был допущен Неймайром в университетский музей и "провел там немало полезных часов, не пренебрегая и чистой окаменелостей". Н.П. вспоминает, что в массе неразобранного материала нашел раковину аммонита рода *Oppelia* и попросил у Неймайра разрешения отпрепарировать ее. Неймайр отнесся сначала к этому предложению сдержанно, но когда увидел, что это дело знакомо Н.П., предоставил ему полную свободу. Работа потребовала нескольких дней, но Н.П. был очень доволен результатом — образец получился отличный.

Весной 1875 г. Вишняков возвращается в Москву. 20 марта 1875 г. Н.П. Вишняков был принят по предложению Г.А. Траутшольда и К. Ренара в действительные члены Императорского общества испытателей природы [13, с. 11]. В апреле этого же года по заявлению П.Е. Еремеева, В.В. Докучаева, М.В. Еро-

феева и Н.Н. Вакуловского был предложен, а в сентябре избран в Действительные члены Санкт-Петербургского минералогического общества [4, с.331]. В минералогическое общество принимались лица, занимающиеся в какой бы то ни было части России геологией, минералогией и палеонтологией. Общество в это время вело большую работу по систематическому геологическому исследованию России, а это входило в круг интересов Н.П. Вишнякова.

В июле 1875 г. он совершает большую экскурсию по Волге, посетив Ундоры, Городище, Криуши, Шиловку, Сенгилей, Батраки, Кашпур, Сызрань, Самару. В записной книжке (ЦИАМ, ф. 1334, оп. 1, д. 49, л. 19) он отмечает: "Особенность городищенских глин заключается в том, что средние части их заключают большое количество *Aptychus*, существование которых в русской юре до сих пор не было известно. *Aptychus* этих я нашел не один, ... а десятки... Я брал лишь только хорошо сохранившиеся. Как Лагузен пропустил их из виду, не понимаю". О работе в Шилровке: "Надо отыскивать сростки глинистого известняка и, расколавывая их, высматривать, что внутри. Сростки эти очень крепки, так что иные как не бей, не расколотишь... в этих крепких сростках находятся бесспорно красивейшие аммониты в свете... Иные сростки ничего не содержат. Можно эмпирически руководствоваться крепостью: если сросток не разлетелся пополам после ... удара, почти можно быть в полной уверенности, что в нем ничего нет. Сростки эти черны внутри и только наружная поверхность покрыта беловатой корой. Я выколотил пять прелестных аммонитов, в т.ч. одного с целой раковиной. Все попадались *Am. Dechaysi N.*" (ЦИАМ, ф. 1334, оп. 1, д. 49, л. 29-30).

По результатам этой поездки 16 октября 1875 г. на заседании Общества испытателей природы он зачитывает свои заметки об *Aptychus cellulosus* [13, с. 130], которые были опубликованы в том же году в Бюллетене общества испытателей природы [15]. В этой работе впервые были описаны аптихи из Городищ, высказано предположение об их принадлежности к аммонитам рода *Aspidoceras* и проведена корреляция между белой юрой Вюртемберга и низами разреза юры в Городищах.

В январе 1876 г. в Петербурге Вишняков разобрал коллекцию Э. Эйхвальда. В мае того же года он покупает знаменитую минералогическую коллекцию Р. Германна, известного московского химика и минералога. В его приходно-расходной книге значится "Куплена коллекция Германна и за нее уплачено облигациями Кредитного Общества 1 тысячная и 35 сотенных. Всего отдано за нее 4500 руб. номиналом" (ЦИАМ, ф.1334, оп.1, д. 493, л. 39). Когда стало известно о продаже этой коллекции, то, по воспоминаниям Н.П., к Германну по поручению Щуровского пришел Толстопятов с предложением о дарении этой коллекции Университету. За это Германну было

обещано звание "почетный доктор". Германн в дарении отказал, ответив на это предложение, что звания не покупаются, и звания заслуживает он сам, а не его камни.

В июле 1876 г. Вишняков совершает с И. И. Лагузеном экскурсию на Волхов. "Я нашел в Дубовиках интересных ортоцератидов с перламутровой поверхностью. Оказывается, у ортоцератидов до сих пор не было доказано существование перламутрового слоя. Это важная находка" (ЦИАМ, ф. 1334, оп. 1, д. 48, л. 13). Впоследствии он обменивался окаменелостями с Лагузеном, посылал образцы Н. П. Барботу де Марни. "Присланную Вами коллекцию я давно получил... Очень и очень благодарен Вам за этот прекрасный подарок, тем более что вы, по-видимому, потратили немало труда и времени, чтобы привести его в аккуратный, каталогизированный вид", — из письма Н.П. Барбота де Марни к Н.П. Вишнякову от 21 февраля 1876 г. (ЦИАМ, ф.1334, оп. 1, д. 150, л. 2).

В 1877—1878 гг. Николай Петрович много экскурсирует в окрестностях Москвы. Летом 1877 г. посещает "меловую формацию Московской губернии", проехав от ст. Талицы в Березники, отсюда в Хотьково, Варавино, Дмитров, Степаново, Гаврилково и Парамонове в фондах Геологического музея им. В.И.Вернадского альбекие отложения Подмосковья и редко встречающиеся в них остатки аммонитов *Hoplites* наиболее полно представлены в коллекции Вишнякова. В 1878 г. посещает обнажения в Хотейчах, Меткомелино, Гжели, Мячково.

Представляется интересным привести "финансовые отчеты" Н.П.Вишнякова о поездках за окаменелостями: "В Мячково 12 марта 1878 г. — Железная дорога до Быково и назад 1 кл. — 1 р.86 к., извозчик Лобанов к Мячково и обратно — 1 р.50 к., на чай ему 15 к., за постой Шитова — 1 р., извозчик в Москве — 65 к., за окаменелости отдано 8 р. 59 к." (ЦИАМ, ф. 1334, оп. 1, д. 48, л.42). В Меткомелино 2 февраля 1878 г. — "Железная дорога 2 места 2-го кл. в Бронницы и обратно — 5 р. 64 к., извозчик от Бронницы до Меткомелино и обратно — 2 р., ему на чай — 60 к., носильдик — 10 к., газеты — 25 к., трактир в Бронницах — 20 к., за постой в Меткомелино — 1 р., за извозчика со станции домой — 60 к., за окаменелости отдано 2 р. 17 к." (ЦИАМ, ф. 1334, оп. 1, д. 48, л.44).

В 1878 г. в Бюллетене общества испытателей природы Н.П. Вишняков публикует "Заметки о жилых камерах некоторых аммонитид России" [16]. В этой работе он на превосходном материале из Кашпура, Елатьмы и окрестностей Москвы описывает свои наблюдения над поведением конечной жилой камеры и вариациями устья у разновозрастных (келловейских, средне-верхневолжских) аммонитов, относящихся к различным систематическим группам.

влиятельными дураками" (ЦИАМ, ф. 1334, оп.1, д. 10, л. 103). А в 1905 г., будучи в Петровско-Разумовском, ходил взглянуть на дом, в котором жили Траутшольды. С этим домом связывали его теплые воспоминания о давно прошедших годах, когда он так интересовался палеонтологией и геологией, о Г.А.Траутшольде, с которым они были очень дружны. С момента отъезда Траутшольда в Германию вели переписку, которая оборвалась только со смертью Германа Адольфовича в 1902 г. Во время путешествия за границу, которое он совершил в 1897 г., специально заезжал в Карлсруэ для свидания с Траутшольдами и провел у них три дня. Он с грустью смотрел на дом, где больше 20 лет назад жили дорогие для него люди. Под впечатлением посещения Петровско-Разумовского, он написал горькие строки: "Все это прошло, умерло и похоронено безвозвратно, как моя молодость, мои надежды и силы... И никому неинтересно знать, что в этом доме долгое время жил умный и почтенный человек, иностранец, но все силы отдавший на служение русской науке, на изучение русской земли. И я горько могу упрекнуть себя, что не пошел за ним, как бы следовало. Я слишком был самолюбив и любил свой покой, чтоб выдерживать постоянные столкновения с гнусными и презренными людьми. Как характер Траутшольд стоял бесконечно выше меня" (там же, л. 121).

П.А. Бурышкин вспоминает, что Н.П.Вишняков "... после революции, уже совсем в преклонных годах, жил тем, что преподавал испанский язык" [2, с. 160].

Скончался Николай Петрович Вишняков в 1927 г. в возрасте 83 лет.

В Государственном геологическом музее им. В.И. Вернадского хранятся палеонтологические и минералогические коллекции Н.П. Вишнякова, не только собранные им лично, но и приобретенные у других коллекционеров и в минералогических конторах. Самые важные из них — оригиналы к опубликованным работам [14, 17, 19]. Кроме этого, в фондах ГГМ — представительные коллекции ископаемых моллюсков, брахиопод и криноидей из классических разрезов юрских и каменноугольных отложений Москвы и ее окрестностей; аммониты из альбских отложений окрестностей Дмитрова; нижнемеловые аммониты Среднего Поволжья; трилобиты, собранные им во время совместной экскурсии с И. И. Лагузеном по р. Волхов. Помимо отечественных сборов фонды ГГМ включают аммониты, собранные Н.П. Вишняковым во время путешествий по Франции и приобретенные коллекции — "Юрские ископаемые и породы Германии" (куплена у немецкого геолога Я. Хильдербранта) и "Морские организмы из кайнозойских морей и океанов" (куплена в Вене у фирмы J.Erber's Naturalienhandlung). В фондах музея есть и минералогические коллекции, принадлежавшие Н.П. Вишнякову. Самая значимая — коллекция минералов, выкупленная им у Р. Герман-

на, содержащая первоначально 3245 экз., в настоящее время идентифицированы 2133 экз. [7, с. 13]. Кроме того, выявлено небольшое количество минералов, также принадлежавших Вишнякову, — это топаз и аметист (Мурзинка, Урал, Россия), розовый кварц (Байкал, Россия), полихромный турмалин (Забайкалье, Россия), апофиллит (Гарц, Германия), адуляр (Тироль, Австрия), кальцит (Каринтия, Австрия) и др. Видимо, обширные коллекции Н.П. Вишнякова были конфискованы в 1918 г. и первоначально поступили в Музей горной академии. В 1930 г. на базе геологического факультета МГУ и Московской горной академии был образован Московский геологоразведочный институт, который унаследовал как музеи университета, так и фонды Музея горной академии. В 1987 г. музеи МГРИ были преобразованы в Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского Российской академии наук, который объединил коллекции старого университета, горной академии, МГРИ и др. Таким образом, коллекции Н.П. Вишнякова в настоящее время хранятся в ГГМ. По учетным документам Московской Горной академии, его палеонтологические и минералогические коллекции первоначально насчитывали около 6 тыс. образцов. К сожалению, далеко не все они сохранились. В настоящее время опознаны немногим более 3 тыс. образцов, принадлежавших Н.П. Вишнякову. Это одна из самых представительных частных коллекций в фондах музея.

В Центральном историческом архиве Москвы хранится личный архив Н.П. Вишнякова, как гласного Московской городской думы. Его архивом пользовалась Л.Ф. Писарькова при работе над книгой "Московская городская дума, 1863—1917". Она отмечает, что "Безусловный интерес вызывают записки...многолетнего гласного — Н.П. Вишнякова "Думские воспоминания и впечатления за 1897—1918 гг." Записки представляют собой дневник, который велся не ежедневно, но в него всегда вносились результаты заседаний, описывались дебаты по разным вопросам и кулуарные разговоры гласных — "кулисы", как называл их Вишняков. Таким образом, эти мемуары являются своеобразной летописью деятельности Московской городской думы" [8, с. 318—319]. Ю.А. Князев [9] опубликовал также выдержки из личного архива Н.П. (Революция 1905 г. в Москве. Из дневника Н.П. Вишнякова). Он отмечает, что "...Вишняков не лишен был наблюдательности и заинтересованности в происходящем и, несмотря на опасное положение в городе, посещал разные места и записывал рассказы очевидцев событий..." [8, с. 37]. Личный архив Н.П. Вишнякова использовался и для написания этой работы; особый интерес вызвали его воспоминания о Московском университете, записные книжки и автобиографические заметки. Их автор предстает человеком не только очень образованным, наблюдательным, но и лишенным литературного дара, но и очень увлеченным коллекционером и исследователем.

К этому времени Вишняков уже известен своими представительными коллекциями ископаемых. В 1878 г. тогда еще начинающий палеонтолог С.Н. Никитин пишет ему: "Герман Адольфович передал мне Ваше любезное приглашение осмотреть Ваши коллекции, о которых я много слышал уже и мне крайне желательно бы было кое-чему у Вас научиться... Позвольте просить Вас назначить мне какой-либо день и час на будущей неделе для осмотра Вашей коллекции..." (ЦИАМ, ф. 1334, оп. 2, д. 342, л. 1, лоб.).

В 1882 г. Н.П. Вишняков издает на собственные средства свою работу "Description des Planulati (Pergisphinctes) Jurassiques de Moscou" — атлас с восемью таблицами изображений и их объяснением, причем часть рисунков в атласе он выполнил самостоятельно [17]. Выделенные им в этой работе новые виды аммонитов *Ammonites dorsoplanus* [ныне род *Dorsoplanites*], *Am. Lomonosoyii* [ныне род *Lomonosovella*], *Am. Scythicus* [ныне род *Zaraiskites*], *Am. Sosia* [ныне род *Virgatites*] являются валидными [6]. В настоящее время атлас является библиографической редкостью. В издании Государственного геологического музея в 1999 г. вышла большая работа, посвященная Н.П. Вишнякову, которая, по замыслу В.В. Митта, скомпонована оригинально и включает в себя краткий биографический очерк, сведения о коллекциях Н.П. Вишнякова, хранящихся в фондах ГГМ, переизданный атлас с оригинальным текстом и переводом его на русский язык и современную номенклатуру аммонитов, приведенных Вишняковым в атласе [7].

После выхода в свет этой работы Вишняков ничего не публикует. Видимо, это связано с тем, что он ожидал положительной реакции на издание атласа в среде российских ученых. Однако этого не последовало. Охлаждение к научной деятельности, возможно, было еще вызвано и тем, что в 1888 г. Г.А. Траутшольд выходит в отставку и возвращается в Германию. Уехал друг, наставник, учитель, единомышленник. Не стало рядом человека, с которым можно было обмениваться мыслями, спорить, советоваться. Николай Петрович поддерживает переписку только с И. И. Лагузеном. "Многоуважаемый Николай Петрович! Извините, пожалуйста, что я снова обращаюсь к Вам с просьбой, исполнением которой Вы меня крайне обяжете. Дело в том, что Траутшольд описал и изобразил в Bull, des natur. de Moscou... за 1867 год весьма оригинальную лилию под названием *Stemmatocrinus cernuus*. Занимаясь в настоящее время проверкою русских ископаемых лилий для моего руководства, я бы желал сравнить этот новый род с другими сходными формами и поэтому покорнейше просил бы Вас, если Вы найдете означенную форму в своей коллекции, прислать мне Ваш образец на короткое время" — из письма Лагузена Вишнякову от 11 декабря 1889 г. (ЦИАМ, ф. 1334, оп. 1, д. 303, л. 30, 30об.) "Многоуважаемый

Николай Петрович! Душевно благодарю Вас за присылку Мячковских экземпляров *Stemmatocrinus'a*, из которых цельный образец представляет собой такую прелесть, что я не могу устоять против соблазна снять с него рисунок, и прошу Вашего позволения поместить этот рисунок в моем учебнике", — из письма Лагузена от 12 января 1890 г. (там же, л. 31). В предисловии к своему учебнику "Краткий курс палеонтологии" И.И. Лагузен выражает благодарность "за предоставление оригиналов многих форм" ряду исследователей, в том числе и Н.П. Вишнякову [5].

Н.П. Вишняков, несмотря на то, что уже ничего не публикует, не теряет интереса к новым исследованиям в области геологии и палеонтологии, "...геологическую карту Московской губернии и вообще Труды геологического комитета Вы можете достать у Мамонтова в Москве. Михальского сочинение об аммонитах нижнего волжского яруса были Вам высланы, остальные же по геологии мезозойских и каменноугольных отложений подмосковного края помещены в пятом томе Трудов Геологического Комитета", — из письма Лагузена Вишнякову от 30 ноября 1892 г. (ЦИАМ, ф. 1334, оп. 1, д. 303, л. 32-32об.)

Последний раз Вишняков вернется к работам геологического содержания в 1900 г., когда на собственные средства издает составленный им Каталог коллекции Германа. При составлении каталога он проделал очень большую и скрупулезную работу. Достаточно отметить, что он указал всех 32 корреспондентов коллекции и привел их краткие биографические данные [18]. И.И. Лагузен, получив от Вишнякова Каталог, назовет его "симпатичным и важным для минералогов сочинением" (из письма Лагузена Вишнякову от 29 марта 1901 г., ЦИАМ, ф.1334, оп. 1, д.303).

В это время Вишняков много путешествует по странам Западной Европы и работает в Московской городской думе, куда впервые был избран в 1873 г. в возрасте 28 лет и состоял там гласным до 1892 г. В выборах 1893 г. не участвовал. "Пробовал баллотироваться и провалился. Мне говорили, что забаллотировали потому, что мой образовательный ценз не был выставлен" (ЦИАМ, ф. 1334, оп. 1, д. 15, л. 13). Затем, начиная с 1897 г. и вплоть до роспуска Думы в 1917 г. — избирался в 1901, 1905, 1909, 1913 гг. и постоянно состоял председателем комиссии "О пользах и нуждах общественных". С 1909 по 1912 г. Н.П. Вишняков — почетный мировой судья. В июне 1903 г. был выбран Думой в члены совета Третьяковской галереи.

В своих автобиографических заметках он напишет в 1904 г.: "Мне скоро стукнет шестьдесят. Возраст не маленький. Я ни о чем не жалею, я констатирую этот факт. Другая мысль моя: я счастлив, что никогда не гнался за химерными почестями, презирая чины и ордена, а также знакомства с

Список научных работ, опубликованных Н.П. Вишняковым

Вишняков Н.П. О юрской формации в селе Кохме близ города Шуи (Владимирской губ.) // Зап. СПб. Минер, общ. 1883. Ч. 18. С. 103-107.

Vischniakoff N. Notice sur les couches jurassiques de Syzran // Bull. Soc. Imp. des Nat. de Moscou. 1874. Т. 48, II, N 4. P. 211-225.

Vischniakoff N. Sur les Aptychus de Gorodisch(// Bull. Soc. Imp. des Nat. de Moscou, 1875. Т. 49, II, N 3. P. 175-178.

Vischniakoff N. Observations sur la demiere loge de quelques ammonites de Russie // Bull. Soc. Imp. des Nat. de Moscou. 1878. Т. 53, I, N 1. P. 39-55.

Vischniakoff N. Sur Ammonites distractus Quenst. // Bull. Soc. Imp. des Nat. de Moscou. 1881. Т.56, II, N 3. P. 135-136.

Vischniakoff N. Description des Planulati (*Perisphinctes*) Jurassiques de Moscou. Premiere partie. Atlas. Moscou. 1882. 8 pi. aves expl.

Vischniakoff N. Allgemeine Beschreibung der Mineralien-Sammlung von Rudolph Hermann. Moskau. 1900. 254 s.

Vischnjakoff N. Ammonites Tschevkini d'Orb. в окр. Шуи. Lettre adressee au Vice-President Dr. Renard // Bull. Soc. Imp. des Nat. de Moscou. 1876. Т. 50, I, № 2. Correspondance. P. 289—291.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астров Н.И. Воспоминания. Париж. 1940. 359 с.
2. Бурыйкин П.А. Москва купеческая. М. 1991. 300 с.
3. Ежегодник по геологии и минералогии России. Т. 1. Вып.1. М., 1896.

4. Записки СПб Минералогического общества, 1876.
5. Лагузен И.И. Краткий курс палеонтологии. Вып. 1. СПб, 1895. 326 с.

6. Митта В.В. Аммониты и зональная стратиграфия средневожских отложений Центральной России. Киев, 1993. 132 с.

7. Митта В.В., Стародубцева Н.А., Сорока ИЛ, Кашлева М.В. Н.П.Вишняков и его работа Description des Planulati (*Perisphinctes*) Jurassiques de Moscou// VM-Novitates. 1999. № 3. 47 с.

8. Писарькова Л.Ф. Московская городская дума, 1863-1917. М., 1998. 565 с.

9. Революция 1905 года в Москве (из дневника Н.П.Вишнякова)// Московский журнал. История государства российского. 1996. № 4. 1996. С. 37—43. Публикация и комментарии Ю.А.Князева (опубликованы заметки о событиях ноября—декабря 1905 г.).

10. Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. Ч. 2. М., 1905. 210 с.

11. Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. Ч. 3. М., 1911. 167 с.

12. Seances de la Societe Imperiale des Naturalistes De Moscou. 1874. № 4. P.6.

13. Seances de la Societe Imperiale des Naturalistes De Moscou, 1875. № 1. P.11, № 4. P. 130.

14. Vischniakoff N. Notice sur les couches jurassiques de Syzran // Bull. Soc. Imp. des Nat. de Moscou. 1874. Т. 48, II, № 4. P. 211-225.

15. Vischniakoff N. Sur les Aptychus de Gorodische // Bull. Soc. Imp. des Nat. de Moscou, 1875. Т. 49, II, N 3. P. 175-178.

16. Vischniakoff N. Observations sur la demiere loge de quelques ammonites de Russie //Bull. Soc. Imp. des Nat. de Moscou. 1878. Т. 53, I, N 1. P. 39-55.

17. Vischniakoff N Description des Planulati (*Perisphinctes*) Jurassiques de Moscou. Premiere partie. Atlas. Moscou, 1882. 8 pi. aves expl.

18. Vischniakoff N Allgemeine Beschreibung der Mineralien-Sammlung von Rudolph Hermann. Moskau, 1900. 254 s.